

УДК 159.92

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ДЕТЕЙ: ОПОСРЕДУЮЩАЯ РОЛЬ РОДИТЕЛЬСКОГО ВОСПИТАНИЯ¹

© 2018 г. С. В. Логинова

ФГБУН НИИ физиологии и фундаментальной медицины; г. Новосибирск,
г. Новосибирск-117, а/я 237, Россия.
Младший научный сотрудник. E-mail: loginovasvv@gmail.com

Поступила 08.06.2017

Аннотация. Изучалась опосредующая роль воспитания во взаимосвязи индивидуально-психологических особенностей ребенка с поведенческими проблемами от раннего дошкольного до младшего школьного возраста. В исследовании приняли участие 1139 родителей детей в возрасте от 2 до 12 лет (51% девочек, 49% мальчиков): 370 дошкольников и 769 школьников. Была выявлена медирующая роль дисфункционального воспитания: низкий уровень сознательности и уступчивости у детей предрасполагал к применению телесных наказаний родителями, непоследовательному дисциплинированию детей дошкольного возраста и недостаточному присмотру за детьми младшего школьного возраста, а данные воспитательные практики, в свою очередь, вносили вклад в уровень экстернальных проблем. Позитивное воспитание и вовлеченность не играло роли медиатора и переставало выступать фактором защиты поведенческих проблем детей при учете их индивидуально-психологических особенностей. Выявленные паттерны взаимосвязи были одинаковы для детей разного пола.

Ключевые слова: индивидуально-психологические особенности ребенка, родительское воспитание, поведенческие проблемы, гиперактивность/невнимательность, дошкольный и младший школьный возраст, медиация.

DOI: 10.31857/S020595920000068-0

Изучение индивидуальных и семейных факторов риска и защиты, их взаимодействия и опосредования приобретает высокую значимость в современном обществе, при этом особенно актуальны исследования детей на ранних ступенях развития, поскольку именно в период дошкольного и младшего школьного детства закладываются базовые предпосылки психического здоровья человека. Особую озабоченность вызывают отклонения поведения, наносящие вред другим (оппозиционное, вызывающее, агрессивное, антисоциальное поведение) и гиперактивность/невнимательность, поскольку данные расстройства являются наиболее частой детской психопатологией [4; 18]. Проблемы поведения и гиперактивность объединены в одну группу экстернальных проблем, поскольку они имеют высокую комор-

бидность, общие симптомы и сходную коррекционную работу с родителями. Экстернальные проблемы в определенной мере имеются у всех детей, но при высокой выраженности затрудняют адаптацию, препятствуют оптимальному развитию на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях [4].

На современном этапе развития науки не возникает сомнений в том, что вклад в психологическое здоровье вносит и сам ребенок, и члены его семьи, а также их взаимодействие. С одной стороны, показано, что дисфункциональное воспитание с попустительством, суровыми наказаниями, непоследовательностью, низким уровнем тепла и позитивности увеличивает риск поведенческих проблем у детей [12; 13; 15; 22], а при изменении методов воспитания снижается

¹ Автор благодарен всем участникам исследования, Елене Романовне Слободской за неоценимую помощь при написании статьи и профессиональные советы, а также Евгении Николаевне Петренко, Александре Владимировне Варшал и Елене Александровне Козловой за помощь в сборе данных. Работа выполнена при поддержке грантов: РФФ №16-18-00003 (сбор и анализ данных), РФФИ № 16-06-00022 (подготовка статьи).

выраженность проблем поведения детей [2; 4]. С другой стороны, многочисленные исследования доказали, что индивидуальные особенности ребенка влияют на поведение родителя. Так, приемные родители детей с генетическим риском антисоциального поведения использовали больше негативных практик в воспитании, несмотря на то, что дети были разлучены с биологическими родителями с рождения [16]. В исследованиях по генетике поведения обнаружено, что поведенческие проблемы детей провоцируют родителей на использование наказаний: в недавнем исследовании близнецов генетические факторы объясняли 86% ковариации между антисоциальным поведением ребенка и физическими наказаниями родителей [19].

Проблема взаимодействия и взаимовлияния внутренних психологических особенностей и внешних факторов находилась в фокусе внимания российских исследователей, в частности С.Л. Рубинштейна, А.Ф. Лазурского, Б.Г. Ананьева, В.И. Слободчикова, Е.А. Сергиенко, А.А. Шведовской и других. На современном этапе подчеркивается важность учета принципа непрерывности генетико-средового взаимодействия в процессе развития ребенка [7], а также принципа субъектности как важнейшей характеристики личности, которая подразумевает активную роль ребенка во внутрисемейном и социальном взаимодействии и раскрывает неразрывное единство и взаимосвязь природных, индивидуальных, социальных и общественных качеств [1; 7]. Однако эти теоретические положения недостаточно конкретизированы в эмпирических исследованиях: имеются работы, посвященные изучению совместного вклада особенностей воспитания и характеристик ребенка в создающиеся между ребенком и родителем отношения [3; 8; 9], но практически не изучена их взаимная роль в возникновении и поддержании проблем психологического здоровья и благополучия детей.

Последнее десятилетие активно изучаются возможные механизмы, посредством которых происходит взаимовлияние индивидуальных особенностей ребенка и методов родительского воспитания. Имеются данные, что дисфункциональные методы воспитания опосредуют (медируют) вклад индивидуально-психологических особенностей ребенка в экстерналиные проблемы [21; 22]: дети с некоторыми индивидуально-психологическими особенностями вызывают определенное поведение родителей в процессе воспитания (путь *a*, Рисунок 1), которое, в свою очередь, вносит вклад в уровень поведенческих проблем (путь *b*, Рисунок 1). Сила связи индивидуально-психологических особенностей с экстерналиными проблемами (путь *c*, Рисунок 1) при наличии такого опосредованного пути значительно снижается.

Однако все существующие данные о медирующей роли методов родительского воспитания получены в европейских странах в исследованиях детей школьного и подросткового возраста. В недавнем лонгитюдном исследовании школьников было установлено, что неуступчивые и эмоционально не стабильные дети были подвержены раздражительному и гневливому поведению родителей и посредством этого показывали высокий уровень экстерналиных проблем 3 года спустя [22]. В исследовании подростков было показано опосредующее влияние качества отношений между родителями и детьми во взаимосвязи уступчивости, сознательности и эмоциональной стабильности с экстерналиными проблемами [21]. Следует отметить, что опосредующая роль позитивного воспитания и вовлеченности не изучалась.

Выявленные закономерности могут иметь универсальный характер, а могут быть специфичны для конкретной культуры или возрастного периода. Цель настоящего исследования — выявить медирующую роль родительского вос-

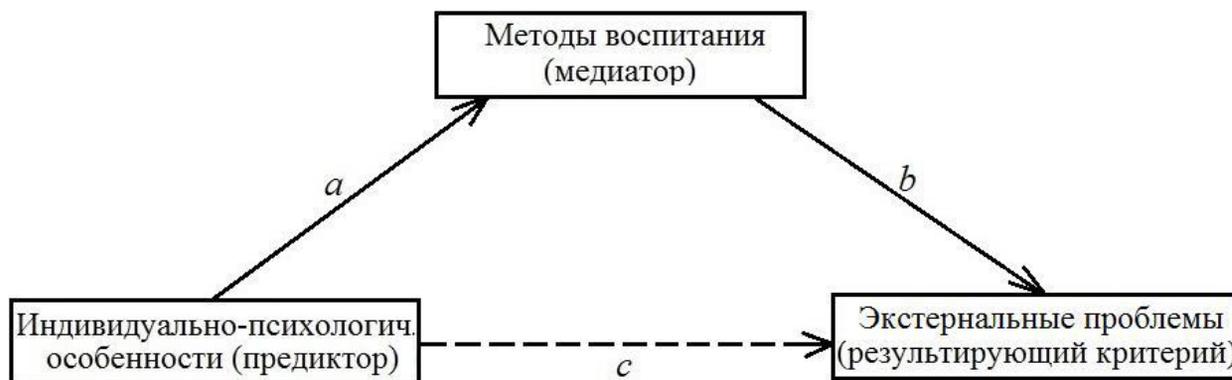

Рис. 1. Модель медиации вклада индивидуально-психологических особенностей ребенка в экстерналиные проблемы методами родительского воспитания.

питания во взаимосвязи индивидуально-психологических особенностей ребенка с экстернальными проблемами на разных этапах детства: от раннего дошкольного до младшего школьного возраста.

МЕТОДИКА

Участники. В исследовании приняли участие родители детей в возрасте от 2 до 12 лет; общий размер выборки составил 1139 детей (51% девочек). Для изучения возрастных различий выборку разделили на две группы: детей дошкольного возраста, не посещающих среднее образовательное учреждение ($n = 370$, 53% мальчиков, 2–7 лет, $M = 5.1$, $SD = 1.3$), и детей младшего школьного возраста ($n = 769$, 48% мальчиков 6–12 лет, $M = 9.06$, $SD = 1.2$) – учеников первого–четвертого классов. С обоими родителями проживали 80% детей, 14% детей жили только с одним родителем, в основном с матерью; 6% детей жили в сводных семьях, в основном с матерью и отчимом; 36% обследованных были единственными в семье детьми.

Процедура. Исследование охватило широкие социально-экономические слои населения городской и сельской местности Сибири; большая часть данных получена в Новосибирске (72%) и Новокузнецке (15%), а также в ряде небольших городов (6.5%) и поселков (6.5%). В подвыборке детей дошкольного возраста было охвачено 10 детских садов ($n = 264$, 71% от выборки дошкольников) и одна спортивная школа ($n = 17$, 5%), в подвыборке детей младшего школьного возраста – 7 городских и сельских школ ($n = 707$, 92% от выборки младших школьников). К некоторым родителям обращались персонально ($n = 146$, 13% от общей выборки), в том числе осуществляя домашние визиты. Основным воспитателям ребенка предлагали заполнить комплект опросников: 90% опросников заполнили матери, 9% – отцы, 0.5% – опекуны и 0.5% – мать и отец совместно.

Инструменты

1. Для оценки индивидуально-психологических особенностей детей использовали *краткую форму Списка индивидуальных особенностей ребенка (ICID-S)* [25] – свободный от возраста и культуры инструмент для оценки индивидуально-психологических особенностей детей от 2 до 18 лет, состоящий из 62 пунктов, которые образуют 15 шкал среднего уровня и 5 шкал высшего порядка. В данном исследовании использовали шкалы высшего порядка: экстраверсия, (не)уступчивость, сознательность, нейротизм и открытость. Была установлена дискриминантная валидность шкал в отношении межкультурных,

половых и возрастных различий, а также высокая надежность шкал (коэффициенты внутренней согласованности шкал находятся в пределах от .82 до .85) [20].

2. Проблемы экстернального спектра изучали с помощью *опросника “Сильные стороны и трудности” (SDQ)* [17], который широко используется для выявления поведенческих и эмоциональных проблем у детей 2–17 лет. В исследовании использовали две шкалы *SDQ*: проблемы с поведением и гиперактивность/ невнимательность, каждая из которых состоит из пяти утверждений, описывающих характерное поведение ребенка и симптомы за последние шесть месяцев (например, “Часто испытывает состояние повышенного раздражения, гнева”, “Легко отвлекается, внимание рассеянное”). Русская версия *SDQ* была адаптирована и валидизирована на рандомизированной стратифицированной выборке школьников [18].

3. Для оценки методов родительского воспитания использовали *Алабамский опросник методов родительского воспитания* – инструмент для измерения эмпирически обоснованных позитивных и негативных аспектов родительского воспитания, имеющих отношение к этиологии, патогенезу и прогнозу поведенческих проблем у детей. Использовали два варианта опросника: форму для детей дошкольного (*APQ-PR*) [12] и школьного возраста (*APQ-BF*) [26]. *APQ-PR* был валидизирован для применения в России: выделены четыре шкалы опросника (позитивное воспитание и вовлеченность, непоследовательное дисциплинирование, применение наказаний и телесные наказания), установлена адекватная критериальная и дискриминантная валидность, надежность и обоснованность шкал, идентичность факторной структуры русской и оригинальной версии [5]. *APQ-BF* также был адаптирован и валидизирован: показана идентичность факторной структуры русской и оригинальной версии, выделены пять шкал опросника (позитивное воспитание, вовлеченность, телесные наказания, недостаточный присмотр, непоследовательное дисциплинирование), подтверждена дискриминантная валидность, обоснованность и надежность шкал опросника [6]. При адаптации *APQ-PR* шкала недостаточный присмотр не была выделена, так как из нее изначально были удалены вопросы, по смыслу и содержанию не подходившие родителям детей дошкольного возраста, а оставшиеся вопросы не образовали шкалу с приемлемыми показателями надежности и валидности.

4. *Краткая социально-демографическая анкета* включала в себя вопросы о поле и возрасте ребенка, размере и составе семьи, месте проживания

ния (город или село), уровне образования и профессиональном статусе родителей.

Статистический анализ данных проводился при помощи путевого анализа в статистическом пакете *AMOS 17.0*. Путевой анализ – это расширение регрессионной модели, использующееся для проверки соответствия корреляционной матрицы каузальной модели, которую задает исследователь. Сначала изучались условия, необходимые для наличия эффекта медиации [11]: 1) предиктор должен быть значимо связан с результирующей переменной (путь *c*, Рисунок 1); 2) предиктор должен быть значимо связан с медиатором (путь *a*, Рисунок 1); 3) медиатор должен быть значимо связан с результирующей переменной (путь *b*, Рисунок 1). Для проверки этих условий были построены путевые модели с двумя блоками переменных, которые затем были оценены на предмет соответствия эмпирическим данным с использованием показателя *CMIN/DF*, сравнительного индекса соответствия (*CFI*) и квадратного корня ошибки приближения (*RMSEA*). Были проведены ковариации ошибок результирующих переменных в случае, если они были значимо взаимосвязаны. Соотношение *CMIN/DF* от 1 до 3, *CFI* и *IFI* выше .90 и *RMSEA* меньше .08 указывают на хорошее соответствие модели эмпирическим данным [10].

Далее были построены модели, включающие в себя как прямые связи между индивидуальными особенностями ребенка и экстермальными проблемами, так и опосредованные методами родительского воспитания. Необходимость построения разных моделей для детей двух возрастных групп обусловлена разным составом медиаторов; для анализа общей модели медиации использовали шкалы, общие для опросников *APQ-PR* и *APQ-BF*. Для оценки достоверности непрямых эффектов использовали бутстрэппинг – непараметрический метод определения статистик вероятностных распределений, который рекомендован к использованию в сложных моделях с несколькими медиаторами и независим от распределения переменных. Эффект медиации считается достоверным, если 95% доверительный интервал распределения оценок непрямого эффекта не включает в себя ноль. В завершение, итоговая модель медиации сравнивалась в подгруппах детей разного пола. Для этого в модель были введены ограничения межгруппового равенства регрессионных весов (путевых оценок), после чего проведено сравнение качества соответствия ограниченной модели с соответствующей неограниченной. Если показатель $\Delta\chi^2$ недостоверен и ΔCFI меньше или равен .01, то модель медиации аналогична в подгруппах разного пола [10].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Дошкольный возраст. Сначала было проверено, вносят ли индивидуально-психологические особенности ребенка значимый вклад в экстернальные проблем, т.е. есть ли основания предполагать, что данная связь опосредуется третьей переменной – методами воспитания. Заданная модель отлично соответствовала эмпирическим данным: $\chi^2 = .03$, $df = 1$, $p = .86$, $CMIN/DF = .03$, $CFI = 1.0$, $RMSEA = .00$. Экстраверсия была связана только с гиперактивностью-невнимательностью ($\beta = .35$, $p < .001$), а неуступчивость – только с проблемами поведения ($\beta = .33$, $p < .001$). Сознательность была связана как с гиперактивностью ($\beta = -.67$, $p < .001$), так и проблемами поведения ($\beta = -.23$, $p < .001$). Нейротизм и открытость опыту не были достоверно взаимосвязаны с экстермальными проблемами.

Далее было проверено, имеются ли прямые связи между индивидуально-психологическими особенностями ребенка и практиками воспитания. Модель хорошо соответствовала эмпирическим данным: $\chi^2 = 3.55$, $df = 3$, $p = .31$; $CMIN/DF = 1.2$, $CFI = .999$, $RMSEA = .02$. Сознательность была связана и с непоследовательным дисциплинированием ($\beta = -.17$, $p < .05$) и с телесными наказаниями ($\beta = -.19$, $p < .01$). Неуступчивость была связана только с телесными наказаниями ($\beta = .21$, $p < .01$), а нейротизм – с непоследовательным дисциплинированием ($\beta = .14$, $p < .05$). Экстраверсия и открытость опыту не были достоверно взаимосвязаны с методами воспитания.

После чего было проверено, имеются ли прямые связи между методами родительского воспитания и экстермальными проблемами. Полученная модель отлично соответствовала эмпирическим данным: $\chi^2 = .37$, $df = 2$, $p = .83$; $CMIN/DF = .18$, $CFI = 1.0$, $RMSEA = .00$. Телесные наказания были связаны с гиперактивностью и проблемами поведения ($\beta = .21$ и $.25$ соответственно, все $p < .001$), непоследовательная дисциплина также была связана с гиперактивностью и проблемами поведения ($\beta = .21$ и $.17$ соответственно, все $p < .001$), в то время как позитивное воспитание было фактором защиты поведенческих проблем ($\beta = -.10$, $p < .05$). После подтверждения всех необходимых условий для наличия эффекта медиации была построена модель, включающая в себя прямые и опосредованные методами воспитания связи между индивидуально-психологическими особенностями ребенка и поведенческими проблемами. Модель медиации показала хорошее соответствие эмпирическим данным: $\chi^2 = 3.62$, $df = 3$, $p = .31$, $CMIN/DF = 1.21$, $CFI = .999$, $RMSEA = .024$, и объясняла 53% всего разнообразия гиперактив-

ности и 26% разнообразия проблем поведения. Далее была проведена оценка достоверности не-прямых эффектов (Табл. 1).

В результате путевого анализа было выявлено четыре достоверных эффекта медиации: сознательности и неуступчивости на оба вида экстер-нальных проблем. На Рис. 2 представлены ста-тистически достоверные опосредованные вклады индивидуально-психологических особенностей в экстернальные проблемы детей дошкольного возраста. Связь сознательности с гиперактивностью и с проблемами поведения частично опосредовалась непоследовательной дисциплиной и телесными наказаниями, а связь неуступчивости и проблем поведения – телесными наказаниями.

Младший школьный возраст. Путевая модель, в которой предиктором являлись индивидуаль-но-психологические особенности ребенка, а ре-зультирующими переменными – проблемы по-ведения и гиперактивность / невнимательность, показала отличное соответствие эмпирическим

данным: $\chi^2 = .01$, $df = 1$, $p = .91$, $CMIN/DF = .01$, $CFI = 1.0$, $RMSEA = .00$. Экстраверсия была свя-зана с гиперактивностью и проблемами поведе-ния ($\beta = .40$ и $.15$, все $p < .001$), также как и не-уступчивость ($\beta = .09$, $p < .05$ и $\beta = .43$, $p < .001$) и сознательность ($\beta = -.64$ и $-.25$, все $p < .001$). Нейротизм был связан только с гиперактивностью ($\beta = .08$, $p < .05$). Открытость опыту не была достоверно связана с экстернальными проблемами.

Далее были проверены прямые связи между индивидуально-психологическими особенностями ребенка и методами воспитания. Модель хо-рошо соответствовала эмпирическим данным: $\chi^2 = 11.70$, $df = 4$, $p = .02$, $CMIN/DF = 2.92$, $CFI = .995$, $RMSEA = .05$. В полученной модели сознательность была связана с непоследователь-ной дисциплиной ($\beta = -.11$, $p < .05$), телесными наказаниями ($\beta = -.12$, $p < .05$) и недостаточ-ным присмотром ($\beta = -.13$, $p < .01$). Нейротизм был связан только с непоследовательной дисци-плиной ($\beta = .11$, $p < .01$), а неуступчивость - с

Таблица 1. Прямые и опосредованные методами родительского воспитания связи индивидуально-психологических особенностей с экстернальными проблемами детей

Предиктор	Критерий	Прямой эф- фект до ме- диации (В)		Прямой эффект после медиации (В)	Непрямой эффект (В, 95% ДИ)	Общий эффект (В)
		1	2			
Экстраверсия	Г/Н	1	.98***	.95***	.026 (-.015 .091)	.99***
		2	1.20***	1.16***	.039 (-.003 .088)	1.20***
		3	1.16***	1.12***	.037* (.006 .072)	1.16
	ПП	1	.20	.18	.023 (-.016 .081)	.20*
		2	.27***	.24***	.033 (-.009 .081)	.27***
		3	.19***	.17***	.020 (-.004 .047)	.19
Сознательность	Г/Н	1	-2.44***	-2.38***	-.075** (-.177 -.010)	-2.28***
		2	-2.06***	-2.00***	-.059* (-.128 -.011)	-2.06***
		3	-2.18***	-2.13***	-.045* (-.097 -.007)	-2.18
	ПП	1	-.45***	-.36***	-.077*** (-.152 -.025)	-.43***
		2	-.50***	-.43***	-.071*** (-.124 -.028)	-.50***
		3	-.30***	-.25***	-.051*** (-.084 -.025)	-.30
Неуступчивость	Г/Н	1	.20	.17	.054* (.001 .144)	.30*
		2	.30**	.24*	.051 (-.004 .116)	.30**
		3	.23**	.20*	.029 (-.014 .076)	.23
	ПП	1	.55***	.48***	.061** (.016 .141)	.56***
		2	.73***	.63***	.096*** (.052 .152)	.73***
		3	.62***	.56***	.060*** (.032 .094)	.62
Нейротизм	Г/Н	1	.19	.17	.015 (-.033 .078)	.20
		2	.26**	.24*	.024 (-.011 .069)	.26**
		3	.26***	.23**	.030* (.004 .065)	.26
	ПП	1	-.02	-.02	.005 (-.038 .053)	-.02
		2	.01	.01	.003 (-.033 .039)	.01
		3	-.01	-.01	.002 (-.020 .024)	-.01
Открытость	Г/Н	1	.26	.23	.022 (-.019 .095)	.24
		2	-.10	.08	-.019 (-.060 .015)	-.10
		3	-.02	-.01	-.006 (-.033 .020)	-.02
	ПП	1	.10	.08	.021 (-.019 .078)	.09
		2	.03	.04	-.017 (-.055 .019)	.03
		3	.06	.06	-.002 (-.023 .019)	.06

Примечания. Показаны нестандартизованные регрессионные коэффициенты (В). ДИ – скорректированный 95% доверительный интервал распределения оценок непрямого эффекта. Г/Н – гиперактивность / невнимательность, ПП – проблемы поведения. 1 – дошкольники, 2 – школьники, 3 – объединенная выборка. Статистически достоверные непрямые эффекты выделены жирным шрифтом. * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$.

телесными наказаниями ($\beta = .21, p < .001$), позитивным воспитанием ($\beta = -.12, p < .05$) и недостаточным присмотром ($\beta = .15, p < .01$). Экстраверсия – с телесными наказаниями ($\beta = .10, p < .05$), а открытость опыту не была достоверно взаимосвязана с методами родительского воспитания.

Модель, включающая прямые связи между методами родительского воспитания и экстернальными проблемами также отлично соответствовала эмпирическим данным: $\chi^2 = .48, df = 1, p = .49, CMIN/DF = .48, CFI = 1.0, RMSEA = .00$. Телесные наказания были связаны с гиперактивностью и проблемами поведения ($\beta = .16$ и $.30$, все $p < .001$), также как и непоследовательная дисциплина ($\beta = .13, p < .001$ и $\beta = .07, p < .05$) и недостаточный присмотр ($\beta = .15$ и $.14$, все $p < .001$), а позитивное воспитание было фактором защиты поведенческих проблем ($\beta = -.09, p < .01$). Вовлеченность не была связана с экстернальными проблемами.

Модель медиации также показала хорошее соответствие эмпирическим данным: $\chi^2 = 20.25, df = 7, p = .005, CMIN/DF = 2.89, CFI = .995, RMSEA = .050$, и объясняла 49% всего разнообра-

зия гиперактивности / невнимательности, 38% разнообразия проблем поведения. Далее была проведена оценка достоверности непрямых эффектов методом бутстрэппинг (Табл. 1) и выявлено три достоверных непрямых эффекта: сознательности на оба вида экстернальных проблем и неуступчивости на проблемы поведения (Рис. 3). Связь сознательности с гиперактивностью и с проблемами поведения частично опосредовалась недостаточным присмотром и телесными наказаниями, связь неуступчивости и проблем с поведением – также двумя этими методами воспитания. Таким образом, согласно полученным для разных возрастных групп детей результатам наряду с прямым эффектом индивидуальных особенностей на уровень экстернальных проблем существует опосредованный вклад через методы дисфункционального воспитания: телесные наказания играют опосредующую роль у детей обеих возрастных групп, непоследовательное дисциплинирование – у дошкольников, а недостаточный присмотр – у младших школьников. Позитивное воспитание и вовлеченность перестает выступать фактором защиты поведенческих проблем детей при учете индивидуально-психологических особенностей ребенка.

Рис. 2. Опосредующая роль методов родительского воспитания во взаимосвязи индивидуально-психологических особенностей с экстернальными проблемами детей дошкольного возраста. Указаны достоверные ($p < .05$) стандартизованные путевые коэффициенты (β).

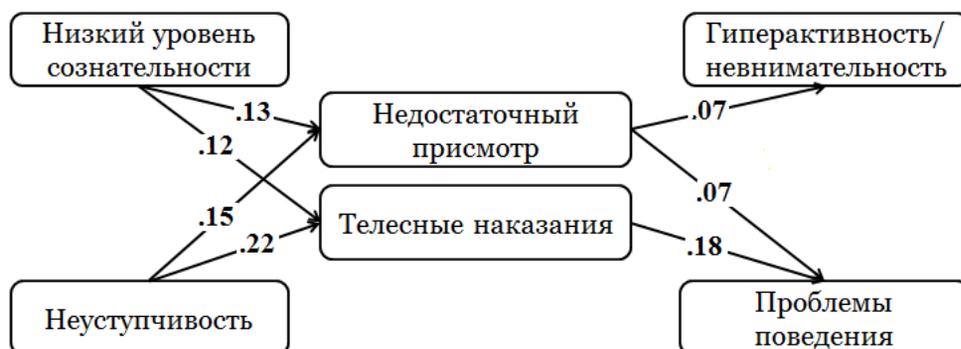

Рис. 3. Опосредующая роль методов родительского воспитания во взаимосвязи индивидуально-психологических особенностей с экстернальными проблемами детей младшего школьного возраста. Указаны достоверные ($p < .05$) стандартизованные путевые коэффициенты (β).

Общая модель медиации. Наконец, была построена общая для двух возрастных групп модель медиации, в которой методы воспитания, применяемые родителями детей как дошкольного, так и младшего школьного возраста, опосредовали взаимосвязь индивидуально-психологических особенностей детей и проблем экстерналистического спектра. Общая модель отлично соответствовала эмпирическим данным: $\chi^2 = .03$, $df = 1$, $p = .87$, $CMIN/DF = .03$, $CFI = 1.0$, $RMSEA = .000$, и объясняла 49% всего разнообразия гиперактивности/невнимательности и 29% разнообразия проблем поведения.

Метод бутстрэппинг позволил выявить достоверные эффекты медиации (Табл. 1): сознательности на оба вида экстерналистических проблем, неуступчивости на проблемы поведения, экстраверсии и нейротизма на гиперактивность. Непоследовательное дисциплинирование и телесные наказания опосредовали вклад индивидуально-психологических особенностей в экстерналистические проблемы, а позитивное воспитание и вовлеченность вновь не играли опосредующей роли (Рис. 4). Было выявлено два непрямых эффекта, которые не достигали статистически достоверного уровня значимости при анализе двух возрастных групп в отдельности: связь нейротизма с гиперактивностью частично опосредовалась непоследовательной дисциплиной, а связь экстраверсии с гиперактивностью — применением родителями телесных наказаний.

Чтобы уточнить, имеются ли различия в связях между индивидуально-психологическими чертами, практиками воспитания и экстерналистическими проблемами в отношении детей разного пола, итоговая модель медиации была сравнена в подгруппах мальчиков и девочек. Модель со свободно измеряемыми параметрами хорошо соответствовала эмпирическим данным: $\chi^2 (2) = .03$, $p = .99$, $CFI = 1.0$, $RMSEA = .000$. После введения ограничений, тре-

бывавших равенства регрессионных весов, соответствие модели эмпирическим данным не ухудшилось: $\chi^2 (40) = 45.95$, $p = .24$, $CFI = .998$, $RMSEA = .011$. Кроме того, при сравнении подгрупп детей разного пола установлено, что модель имела равные регрессионные веса, $\Delta \chi^2 (38) = 45.92$, $p = .55$, $\Delta CFI = .002$. Таким образом, модель медиации одинакова для детей разного пола.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Проведенное исследование ставило целью выявить опосредующую роль методов родительского воспитания во взаимосвязи индивидуально-психологических особенностей ребенка с экстерналистическими проблемами детей от раннего дошкольного до младшего школьного возраста. Полученные результаты согласуются с имеющимися эмпирическими данными [21; 22] и свидетельствуют о том, что наряду с прямым вкладом индивидуальных особенностей детей в уровень экстерналистических проблем существует опосредованный вклад через дисфункциональные методы воспитания.

Дети дошкольного возраста с низким уровнем сознательности и уступчивости были в большей степени подвержены непоследовательному дисциплинированию и телесным наказаниям, а дети младшего школьного возраста — недостаточному присмотру и телесным наказаниям, а данные воспитательные практики, в свою очередь, вносили вклад в уровень экстерналистических проблем. Объяснение полученных взаимосвязей может быть следующим: дети с низким уровнем сознательности высоко импульсивны, дезорганизованы и испытывают сложности в регуляции своих эмоций и поведения [14]. Родители таких детей испытывают значительные трудности при попытках дисциплинировать и контролировать

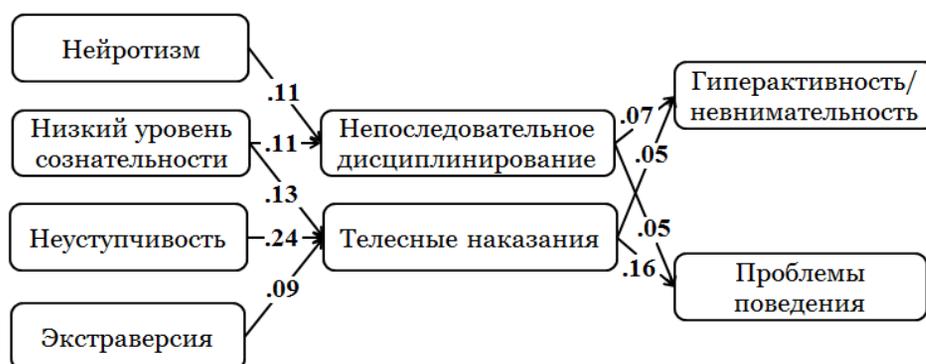

Рис. 4. Опосредующая роль методов родительского воспитания во взаимосвязи индивидуально-психологических особенностей с экстерналистическими проблемами детей дошкольного и младшего школьного возраста. Указаны достоверные ($p < .05$) стандартизованные путевые коэффициенты (β).

их, что приводит к непоследовательности в воспитании и более частым телесным наказаниям; эти методы воспитания, в свою очередь, усиливают экстернальные проблемы. Похожие результаты были получены в бельгийском исследовании детей: принудительное дисциплинирование с непоследовательностью и жесткостью опосредовало связь низкого уровня сознательности с экстернальными проблемами [22]. В голландском исследовании подростков враждебность в отношениях ребенка с родителем и неудовлетворенность общением опосредовали связь сознательности, уступчивости и эмоциональной стабильности с экстернальными проблемами [21].

Сходным образом воспитание неуступчивых детей, склонных к конфронтациям и гневу, проявляющих упрямство, раздражительность и вспыльчивость, связано с трудностями и возникновением негативных эмоций у родителей, что приводит к частому применению телесных наказаний, которые, в свою очередь, усиливают поведенческие проблемы детей. Полученные результаты согласуются с данными продолжительного бельгийского исследования, в котором неуступчивые дети были подвержены раздражительному и гневливому поведению родителей и вследствие этого проявляли высокий уровень экстернальных проблем 3 года спустя [22]. Таким образом, вклад родительского воспитания в экстернальные проблемы детей обладает значительным сходством в разных культурах.

Возрастная специфика механизма опосредования проявляется в том, что в школьном возрасте связь непоследовательного дисциплинирования с экстернальными проблемами перестает быть значимой, и недостаточный присмотр становится опосредующим звеном. Недостаточный присмотр, проявляющийся в неосведомленности родителей о друзьях ребенка, его занятиях в свободное время, отсутствии контроля возвращения ребенка домой вечером, – один из самых сильных факторов риска поведенческих проблем, агрессивного и антисоциального поведения детей и подростков [2; 13; 15; 26]. В исследовании детей 6–17 лет было показано, что выраженность недостаточного присмотра возрастает по мере взросления ребенка [15]. Возможно, значимость родительского присмотра, в том числе и как опосредующего звена во взаимосвязи индивидуальных особенностей и экстернальных проблем, обусловлена особенностями взаимоотношений родителя и ребенка, начиная со школьного возраста, когда у ребенка возрастает автономия от родителей. Обнаруженные возрастные особенности представляют особый интерес для разработки программ вмешательства и консультативной работы с родителями детей разных возрастов.

Представляет интерес выявленный при объединении двух подвыборок и, соответственно, увеличении общего числа наблюдений, вклад нейротизма в гиперактивность/невнимательность, опосредованный непоследовательным дисциплинированием родителя, а также вклад экстраверсии в гиперактивность/невнимательность, опосредованный телесными наказаниями. Следует отметить, что вклад нейротизма в непоследовательное дисциплинирование был статистически значимым в обеих подвыборках, что отчасти может объясняться общим генетическим компонентом. Многочисленные данные о связи непоследовательного дисциплинирования и проблем экстернального спектра детей как дошкольного, так и младшего школьного возраста [5; 6; 12; 13; 15; 26], однако данные о медирующей роли непоследовательного дисциплинирования во взаимосвязи нейротизма с гиперактивностью/невнимательностью получены впервые. Что касается опосредующей роли применения родителями телесных наказаний во взаимосвязи экстраверсии с гиперактивностью/невнимательностью, то высоко вероятно, что медирующий эффект связан с высокой двигательной активностью и энергичностью ребенка, входящих в состав экстраверсии. Однако необходимо отметить, что данные эффекты являются самыми слабыми по значению путей коэффициентов и требуют подтверждения на других выборках респондентов.

Результаты настоящего исследования также показали, что при учете индивидуально-психологических особенностей ребенка позитивное воспитание и вовлеченность перестают вносить значимый вклад в уровень экстернальных проблем. Данный феномен выявлен впервые. Следует отметить, что связь позитивных практик воспитания с проблемами поведения изучалась реже и подтверждена на уровне простых корреляций без учета индивидуально-психологических особенностей ребенка [12; 15; 26]. Например, в продолжительном исследовании Шоу с коллегами связь материнской отзывчивости и проблемного поведения была достоверной только в группе мальчиков [23].

Один из наиболее важных результатов исследования заключается в том, что специфика взаимосвязи в триаде “индивидуально-психологические особенности – методы воспитания – экстернальные проблемы” одинакова для детей разного пола. Известно, что у мальчиков отмечается больший уровень экстернальных проблем, чем у девочек [4; 24], также изучены гендерные различия в отношении индивидуально-психологических черт детей [24]. В нашем исследовании, несмотря на гендерные различия в индивидуальных особенностях и уровне экстернальных проблем, в целом паттерн взаимосвязи был одинаков для мальчиков и девочек. Данный результат представляет особую ценность для разработки программ вмешательства,

направленных на улучшение методов воспитания и приводящих к снижению уровня поведенческих проблем у детей.

Следует отметить, что выявленные в срезовом исследовании связи не позволяют делать однозначные выводы о причинных связях и направлении эффектов. Тем не менее, полученные данные о специфике взаимосвязей индивидуально-психологических особенностей ребенка, практик родительского воспитания и экстернатальных проблем представляют собой ценный эмпирический материал, который может служить опорой для дальнейших лонгитюдных исследований, а также является важным для создания коррекционных программ для родителей детей с экстернатальными проблемами. Сильными сторонами исследования являются репрезентативность и объем выборки респондентов, а также широкий возрастной диапазон детей — от раннего дошкольного до младшего школьного возраста. В работе были использованы современные, наиболее обоснованные и международно-признанные методы статистического анализа. В результате, настоящее исследование позволило существенно расширить представления о вкладе индивидуальных и семейных факторов в психологическое здоровье и их взаимосвязи на разных этапах детства.

ВЫВОДЫ

1. Низкий уровень сознательности и уступчивости у детей предрасполагает к применению телесных наказаний родителями, непоследовательному дисциплинированию детей дошкольного возраста и недостаточному присмотру за детьми младшего школьного возраста, а данные воспитательные практики, в свою очередь, вносят вклад в уровень экстернатальных проблем.

2. Непоследовательное дисциплинирование опосредует вклад нейротизма в гиперактивность/ невнимательность, а телесные наказания — вклад экстраверсии в тот же вид экстернатальных проблем.

3. Вклад позитивного воспитания и вовлеченности в поведенческие проблемы ребенка обусловлен его индивидуально-психологическими особенностями.

4. Специфика взаимосвязи индивидуально-психологических особенностей ребенка, методов родительского воспитания и экстернатальных проблем одинакова для детей разного пола.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.
2. *Варшал А.В., Слободская Е.Р.* Оценка эффективности тренинга родительской компетентности при

проблемах поведения у детей // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. №. 1. С. 80–96.

3. *Виленская Г.А.* Роль взаимодействия с родителями в раннем онтогенезе контроля поведения // Психологические исследования. 2008. Т. 2. №. 2. С. 1–1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.07.2017).
4. *Гудман Р., Скотт С.* Детская психиатрия. М.: Три-адаХ, 2008.
5. *Логина С.В., Слободская Е.Р., Козлова Е.А., Корниенко О.С.* Адаптация опросника для изучения практик родительского воспитания детей дошкольного возраста (APQ-PR) // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 47. С. 12.
6. *Логина С.В., Слободская Е.Р., Федорова Н.А., Козлова Е.А.* Адаптация краткой версии Алабамского опросника методов родительского воспитания (APQ-BF) // Психологический журнал. 2016. Т. 37. 5. С. 79–90.
7. *Сергиенко Е.А.* Принципы психологии развития: современный взгляд. Психологические исследования. 2012. Т. 5. №. 24. С. 1–1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 22.07.2017).
8. *Спирева Е.Н., Лидерс А.Г.* Связь стиля семейного воспитания с темпераментом ребенка // Семейная психология и семейная терапия. 2002. № 2.
9. *Шведовская А.А.* Особенности переживания детско-родительских отношений и взаимодействие с родителями детей старшего дошкольного возраста: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2006. С. 30.
10. *Arbuckle J L.* 5. Amos 17.0 User's Guide. Chicago, IL: SPSS Inc. 2008.
11. *Baron R.M., Kenny D.A.* The Moderator-Mediator Variable Distinction in Social Psychological Research: Conceptual, Strategic, and Statistical Considerations // Journ of Pers. and Social Psychology. 1986. No. 6. P. 1173–1182.
12. *Clerkin S.M., Halperin J.M., Marks D. J., Policaro K.L.* Psychometric Properties of the Alabama Parenting Questionnaire—Preschool Revision // Journ. of Clinical Child and Adol. Psychology. 2007. V. 36. No. 1. P. 19–28.
13. *Dadds M.R., Maujean A., Fraser J.A.* Parenting and conduct problems in children: Australian data and psychometric properties of the Alabama Parenting Questionnaire // Australian Psychologist. 2003. V. 38. P. 238–241.
14. *Deal J.E., Halverson C.F., Martin R.P., Victor J., Baker S.* The Inventory of Children's Individual Differences: development and validation of a short version // Journ. of Pers. Assessment. 2007. V. 89. P. 162–166.
15. *Frick P.J., Christian R.E., Wootton J.M.* Age Trends in the Association Between Parenting Practices and Conduct Problems // Behavior Modification. 1999. V. 23. No.1. 106–128.
16. *Ge X., Conger R.D., Cadoret R.J., Neiderhise, J.M., Yates W., Troughton E. et al.* The developmental interface between nature and nurture: A mutual influence model of child antisocial behavior and parent behaviors // Devel. Psychology. 1996. V. 32. P. 574–589.
17. *Goodman R.* Psychometric properties of the Strengths and Difficulties Questionnaire (SDQ) // Journ. of the American Academy of Child and Adol. Psychiatry. 2001. V. 40. No. 11. P. 1337–1345.
18. *Goodman R., Slobodskaya H.R., Knyazev G.G.* Russian child mental health: A cross-sectional study of preva

- lence and risk factors // *European Child and Adol. Psychiatry*. 2005. V. 14. No. 1. P. 28–33.
19. Jaffee S. R., Caspi A., Moffitt T. E., Polo-Tomas M., Price T. S., Taylor A. The limits of child effects: evidence for genetically mediated child effects on corporal punishment but not on physical maltreatment // *Devel. Psychology*. 2004. V. 40. No. 6. P. 1047.
 20. Knyazev G.G., Zupančič M., Slobodskaya H.R. Comparison of personality structure and mean level of traits in Slovenian and Russian children // *Journ of CrossCultural Psychol.* 2008. V. 39. No. 3. P. 317–334.
 21. Mander, W.A., Scholte R.H., Janssens J.M., De Bruyn, E.E. Adolescent personality, problem behavior and the quality of the parent–adolescent relationship // *European Journ. of Pers.* 2006. V. 20. No. 3. P. 237–254.
 22. Prinzie P., Van Der Sluis C.M., De Haan A.D., Deković M. The mediational role of parenting on the longitudinal relation between child personality and externalizing behaviour. // *J ourn of Pers.* 2010. V. 78. No. 4. P. 1301–1323.
 23. Shaw D.S., Winslow E.B., Owens E.B., Vondra J.I., Cohn J.F., Bel, R.Q. The development of early externalizing problems among children from low-income families: A transformational perspective // *Journal of abnormal child psychology*. 1998. V. 26. No. 2. P. 95–107.
 24. Slobodskaya H.R., Akhmetova O.A. Personality development and problem behavior in Russian children and adolescents // *Intern Journ. Behavioral Development*. 2010. V. 34. No 5.
 25. Slobodskaya H.R., Zupancic M. Development and Validation of the Inventory of Child Individual Differences-Short Version in Two Slavic Countries // *Studia Psychologica*. 2010. V. 52. No. 1. P. 23–39.
 26. Scott S., Briskman J., Dadds M.R. Measuring parenting in community and public health research using brief child and parent reports // *Journ. of Child and Family Studies*. 2011. V. 20. No. 3. P. 343–352.

PARENTING AS A MEDIATOR IN THE RELATION BETWEEN CHILD INDIVIDUAL DIFFERENCES AND EXTERNALIZING BEHAVIOR²

S. V. Loginova

State Scientific-Research Institute of Physiology & Basic Medicine; 630117, P.O. Box 237, Novosibirsk, Russia.

Junior research scientist, Scientific Research Institute of Physiology and Basic Medicine. E-mail: loginovasvv@gmail.com

Received 08.06.2017

Abstract. The aim of this study was to explore the mediation role of parenting in the relation between child individual differences and externalizing behavior in preschool and primary school age Russian children. Participants were primary caregivers of 1139 children (51% females): 370 preschool age and 769 school age children. The results show the mediation role of dysfunctional parenting practices: disagreeable and unconscientious children were exposed to elevated levels of corporal punishment, inconsistent parenting in preschool age and poor monitoring and supervision in primary school age; these parenting practices in turn were related to higher levels of externalizing behavior. Our findings also demonstrate that when child individual differences have been accounted for, positive parenting behaviors and involvement were not related to externalizing problems. It has also been shown that the relations between individual differences, parenting and externalizing behavior do not differ depending on child gender.

Keywords: child individual differences, parenting, parents questionnaires, externalizing problems, preschool and primary school age, mediation.

REFERENCES

1. Brushlinskij A.V. Psihologija subjekta. St. Petersburg: Aletejja, 2003. (in Russian)
2. Varshal A.V., Slobodskaja E.R. Ocenka jeffektivnosti treninga roditel'skoj kompetentnosti pri problemah povedenija u detej // *Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija*. 2016. V. 24. №. 1. P. 80–96. (in Russian)
3. Vilenskaja G.A. Rol' vzaimodejstvija s roditel'jami v rannem ontogeneze kontrolja povedenija // *Psihologicheskie issledovanija*. 2008. V. 2. №. 2. P. 1–1. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashhenija: 25.07.2017). (in Russian)
4. Gudman R., Skott S. Detskaja psihiatrija. Moscow: TriadaX, 2008. (in Russian)
5. Loginova S.V., Slobodskaja E.R., Kozlova E.A., Kornienko O.S. Adaptacija oprosnika dlja izuchenija praktik roditel'skogo vospitanija detej doskol'nogo vozrasta (APQ-PR) // *Psihologicheskie issledovanija*. 2016. V. 9. № 47. P. 12. (in Russian)
6. Loginova S.V., Slobodskaja E.R., Fedorova N.A., Kozlova E.A. Adaptacija kratkoj versii Alabamskogo oprosnika metodov roditel'skogo vospitanija (APQ-BF) // *Psihologicheskij zhurnal*. 2016. V. 37, 5. P. 79–90. (in Russian)
7. Sergienko E.A. Principy psihologii razvitija: sovremennyy vzgljad. Psihologicheskie issledovanija. 2012. V. 5. №. 24. P. 1–1. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashhenija: 22.07.2017). (in Russian)

² The author is grateful to all the participants of the study, to Elena Romanovna Slobodskaya for her invaluable help in writing the article and professional advice, as well as to Evgenia Nikolaevna Petrenko, Alexandra Vladimirovna Varshal and Elena Aleksandrovna Kozlova for assistance in data collection. This study was supported by grants: RSF № 16-18-00003 (data collection and analysis), RFFR № 16-06-00022 (article preparation).

8. Spireva E.N., Lidars A.G. Svjaz' stilja semejnogo vospitaniya s temperamentom rebenka // Semejnaja psihologija i semejnaja terapija. 2002. № 2. (in Russian)
9. Shvedovskaja A.A. Osobennosti perezhivaniya detsko-roditel'skih odnoshenij i vzaimodejstvie s roditeljami detej starshego doskol'nogo vozrasta: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Moskva, 2006. P. 30. (in Russian)
10. Arbuckle J. L. 5. Amos 17.0 User's Guide. Chicago, IL: SPSS Inc. 2008.
11. Baron R.M., Kenny D.A. The Moderator-Mediator Variable Distinction in Social Psychological Research: Conceptual, Strategic, and Statistical Considerations // Journ of Pers. and Social Psychology. 1986. No. 6. P. 1173–1182.
12. Clerkin S.M. Halperin J.M., Marks D. J., Policaro K.L. Psychometric Properties of the Alabama Parenting Questionnaire—Preschool Revision // Journ. of Clinical Child and Adol. Psychology. 2007. V. 36. № 1. P. 19–28.
13. Dadds M.R., Maujean A., Fraser J.A. Parenting and conduct problems in children: Australian data and psychometric properties of the Alabama Parenting Questionnaire // Australian Psychologist. 2003. V. 38. P. 238–241.
14. Deal J.E., Halverson C.F., Martin R.P., Victor J., Baker S. The Inventory of Children's Individual Differences: development and validation of a short version // Journ. of Pers. Assessment. 2007. V. 89. P. 162–166.
15. Frick P.J., Christian R.E., Wootton J.M. Age Trends in the Association Between Parenting Practices and Conduct Problems // Behavior Modification. 1999. V. 23. No.1. 106–128.
16. Ge X., Conger R.D., Cadoret R.J., Neiderhise, J.M., Yates W., Troughton E. et al. The developmental interface between nature and nurture: A mutual influence model of child antisocial behavior and parent behaviors // Devel. Psychology. 1996. V. 32. P. 574–589.
17. Goodman R. Psychometric properties of the Strengths and Difficulties Questionnaire (SDQ) // Journ. of the American Academy of Child and Adol. Psychiatry. 2001. V. 40. № 11. P. 1337–1345.
18. Goodman R., Slobodskaya H.R., Knyazev G.G. Russian child mental health: A cross-sectional study of prevalence and risk factors // European Child and Adol. Psychiatry. 2005. V. 14. № 1. P. 28–33.
19. Jaffee S.R., Caspi A., Moffitt T.E., Polo-Tomas M., Price T. S., Taylor A. The limits of child effects: evidence for genetically mediated child effects on corporal punishment but not on physical maltreatment // Devel. Psychology. 2004. V. 40. № 6. P. 1047.
20. Knyazev G.G., Zupančič M., Slobodskaya H.R. Comparison of personality structure and mean level of traits in Slovenian and Russian children // Journ of CrossCultural Psychol. 2008. V. 39. № 3. P. 317–334.
21. Mander, W.A., Scholte R.H., Janssens J.M., De Bruyn, E.E. Adolescent personality, problem behavior and the quality of the parent–adolescent relationship // European Journ. of Pers. 2006. V. 20. № 3. P. 237–254.
22. Prinzie P., Van Der Sluis C.M., De Haan A.D., Deković M. The mediational role of parenting on the longitudinal relation between child personality and externalizing behaviour // Journ of Pers. 2010. V. 78. № 4. P. 1301–1323.
23. Shaw D.S., Winslow E.B., Owens E.B., Vondra J.I., Cohn J.F., Bel, R.Q. The development of early externalizing problems among children from low-income families: A transformational perspective // Journ of abnormal child psychology. 1998. V. 26. № 2. P. 95–107.
24. Slobodskaya H.R., Akhmetova O.A. Personality development and problem behavior in Russian children and adolescents // Intern Journ. Behavioral Development. 2010. V. 34. № 5.
25. Slobodskaya H.R., Zupancic M. Development and Validation of the Inventory of Child Individual Differences—Short Version in Two Slavic Countries // Studia Psychologica. 2010. V. 52. № 1. P. 23–39.
26. Scott S., Briskman J., Dadds M.R. Measuring parenting in community and public health research using brief child and parent reports // Journ. of Child and Family Studies. 2011. V. 20. №. 3. P. 343–352.